

Из жизни одного города

Табел Арт

12+

Павел Ан

Из жизни одного города

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67782507

SelfPub; 2022

Аннотация

Данный сборник рассказов приглашает окунуться в жизнь и мысли российского Приазовья конца нулевых двадцать первого века. Трудные бытовые будни, восприятие истории, мысли о себе и окружающих. Непростое время, уже ушедшее, о котором, как тени, всплывают отрывки мыслей и воспоминаний...

Содержание

Круг времени	4
Метель	12
Ветер	18
Неправильный человек	20
Мечтатель	23
Память	26
Два деда	30

Павел Ан

Из жизни одного города

Круг времени

Начало отпуска в который нет возможности никуда поехать. Свободное время чтобы отоспаться, заняться домашними делами, встретиться со старыми друзьями. Но, помимо всего этого, я всегда нахожу время для повторения одного и того же ритуала. Рано утром, обязательно в будний день, я, позавтракав, выхожу из дома и отправляюсь на прогулку по одному и тому же маршруту. Это маршрут времени – маленькое путешествие в прошлое.

В разные года мой маршрут начинался из разных мест, так как я, подобно древним кочевникам в былые времена жившим в этих степях, постоянно кочую из одной части города в другую, меняя место своего временного пристанища. Сегодня это трехэтажный дом, выходящий окнами на небольшой тихий сквер. В прошлом эта часть города была для меня “терра инкогнита”, теперь же я туземец, и меня здесь уже многие знают в лицо.

Я быстрым шагом прохожу по дорожке вдоль сквера и оказываюсь возле здания городского железнодорожного вокзала. Раньше здесь ходили пассажирские поезда из Украи-

ны и обратно, а также в Москву. Теперь этих поездов нет, остались только пару электричек. Раньше на пироне у вокзала постоянно дежурили торговцы рыбой, которые обступали прибывающие поезда, назойливо предлагая приезжим свой особенный, местный товар.

Я перехожу дорогу и подхожу к трамвайной остановке. В этот путь я всегда отправляюсь на трамвае. В студенческие годы это был мой излюбленный транспорт. Старые обшарпанные трамваи с прогнившими насквозь стенами и полом. Утром, когда я ехал в университет, они были битком набиты людьми, так что едва оставалось место чтобы ухватиться за какую-нибудь ручку. Они часто ломались, и бывало, что не дождавшись заветного трамвая, мне приходилось сломя голову бежать на маршрутку, чтобы успеть на пару.

Я сел в тот же самый старый трамвай. Остановка конечная и свободных мест много. Я сажусь к окну и переключаю свое внимание на проплывающий мимо меня пейзаж, который я видел уже сотни если не тысячи раз, во всех его нюансах. Такая трамвайная обстановка весьма располагает к тому чтобы посидеть и спокойно подумать. Даже создается впечатление, что на короткое время удалось вырваться из повседневной суеты.

И вот остановка “Университет”. Я не спеша выхожу и жду, пока трамвай поедет дальше, чтобы спокойно перейти дорогу и отправиться по местам, которые я вновь хочу навестить. Я иду вниз по улице Чехова к самому ее началу, к самим ис-

токама. Первое, что привлекает мое внимание – это несколько закусовых для студентов. Но в то время, в которое я путешествую, их еще не было. Был небольшой ларек на углу пересечения улиц, маленький и обшарпанный. Там я покупал себе весьма неплохие хот-доги, правда нечасто. Место, где я обычно покупал себе еду, находится несколько дальше. Именно место, так как вагончика, в котором продавались любимые многими в те времена беляши, там уже давно нет.

Я продолжаю идти дальше по улице. Проходя это место, я всегда смотрю направо, где в полуподвальном помещении находится неприметный, маленький книжный магазинчик. Этому магазинчику весьма много лет, он был здесь сколько я себя помню. Продавали и продают там всегда одно и то же – различную техническую литературу. Я сам иногда покупал там весьма полезные книги, хоть цены там и немного кусались. Теперь же у меня возникает некое благоговение перед этим свидетелем прежних лет, этим неприметным старожилкой, мимо которого проходили многие поколения студентов, приезжавших сюда из различных городов и стран, привозя с собой частичку своей далекой родины.

Вот он “А” корпус. Старое здание из красного кирпича с колоннами. У меня еще остался мой студенческий пропуск, но вход мне теперь закрыт турникетом и бдительной старушкой-вахтершей. А я был бы рад зайти вовнутрь. Раньше это мог сделать любой желающий. Теперь я ограничиваюсь

лишь тем, что смотрю на окна второго этажа, где находится университетская библиотека. В неё ходили не столько для того чтобы что-то читать, сколько для того, чтобы пересидеть окно в холодное время года. Но и для чтения ходить туда также иногда приходилось, ближе к сессии, конечно.

Я спускаюсь дальше вниз по улице, бегло бросая взгляд на неприметный вход в бомбоубежище, переоборудованное по тренажерный зал для студентов. Зал был платный, но если там числиться, то можно было получать отлично по физ. подготовке, иногда появляясь там. Мне на память всегда приходит один забавный случай, связанный с этим местом. В те уже далекие дни, я ходил в этот зал с одним своим давним приятелем, человеком весьма смекалистым. И вот как-то раз мы предложили нашему общему другу пойти с нами “потягать железо”. Платить он не хотел, и для него нами был найден простой и весьма элегантный выход. Был некий студент-прогульщик, который в зале не появлялся вовсе, и мы предложили нашему общему другу назваться его именем. На свою голову он послушался нашего совета и, выслушав долгую нотацию в жесткой форме, по поводу своего нерадивого отношения к учебе, в итоге был послан исправляться на рынок за краской для ремонта спортзала. Деньги ему были предоставлены, и он, как честный человек, действительно отправился на рынок и купил там краску. Заниматься в этот зал он уже больше никогда не ходил, однако помог закрыть физкультуру студенту-прогульщику.

Если во время моей прогулки на улице холодно и пасмурно, я начинаю вглядываться в прохожих. Я высматриваю того самого странного парня, о котором знали все студенты, но никто не знал его имени. Парень, который в любое время года ходил в футболке с коротким рукавом. Мне отказывались верить, когда я говорил, что видел его в легком свитерке. Мы встретились тогда на этом самом месте. Помню этот ненастный зимний день, двадцать градусов мороза и сильный ветер с моря продувал любую одежду. Я был в дубленке и в теплой шапке, но при этом уже весьма сильно замерз и скорее спешил добраться до места пары. А лицо того парня было спокойным, ему как всегда было тепло, он просто был очень терпеливым или упрямым.

Дорога продолжает вести меня вниз. Я прохожу мимо странного вида здания, выполненного в непонятном архитектурном стиле. Я снисходительно смотрю на это сооружение, вполне имею на это право, ведь я знаю, что там внутри. Это корпус “И” и в нем я учился последние три года университетской жизни. Но тут меня не трогает ностальгия, она никак не связана с этим нелепым сооружением.

Я пришел в самое начало улицы Чехова и остановился. Вот, впереди слева от меня, находится небольшой парк, расположенный возле памятника Петру первому. Но я путешествую по нему только мысленно. Там, в теплое время года, мы с друзьями коротали время окон, и удивительное дело, нам всегда было о чем поговорить друг с другом. Уже поз-

же, спустя несколько лет после завершения учебы, мы как-то встретились с ними в кафе, в которое часто хаживали в былые времена. Нас хватило тогда минут на десять взаимного общения. Я тогда получил ответ на один давно интересовавший меня вопрос. Почему три мушкетера встретились только двадцать лет спустя, ведь за это время успела пролететь целая жизнь? Теперь я понял, что именно столько времени бывает необходимо, чтобы было о чем поговорить со старыми друзьями, которые стали в жизни самыми обычными людьми, как и я сам.

Теперь же я знаю, что проходя по парку, уже не встречу своих друзей и просто приятелей. Парк этот теперь для меня опустел. Заходя в него один, я начинаю чувствовать неприятное одиночество. Поэтому, я не иду туда, а поворачиваю направо.

Путь мой лежит через неудобный для ходьбы пешком переулок; петляя вслед за которым, я выхожу к старой церкви. Пройденный мной от перекрестка путь был мной всегда не любим. Я всегда старался идти через другой переулок, выведивший меня к “А” корпусу. Это был весьма тихий путь с разбитой грунтовой дорогой. В зимнее время, особенно когда был гололед, он был почти непроходим, но я все равно любил ходить по нему.

Я обхожу слева, огороженную старым каменным забором церковь, стоящую как остров, окруженный со всех сторон дорогой. Здесь, слева от церкви, еще сохранился кусок ста-

рой дореволюционной брусчатки. Раньше брусчатка была и на дороге справа от церкви, вплоть до улицы Чехова. Она была как памятник былых времен, но потом один из бывших мэров города построил себе дом, подъезжать к которому было необходимо как раз по этой брусчатке. Вскоре её заасфальтировали.

Мой путь лежит дальше по улице к заветному перекрестку, за которым стоит прямоугольное здание из белого кирпича, место откуда начинается студенческая жизнь – корпус “Д”. Путь к этому перекрестку лежит между частных домов еще старой постройки, а кругом меня “Бугудония” – немыслимое переплетение проулков и троп, идущих то вверх, то вниз среди небольших цепляющихся за утес маленьких домиков. Но там я практически никогда не ходил в те времена.

И вот я поворачиваю направо и иду вверх по улице вдоль корпуса “Д”. Проходя здесь, я всегда вглядываюсь в окна аудиторий. Мне все хочется увидеть лицо студента, пришедшего теперь на мое место. Смотрю и ловлю себя на мысли, что я просто хочу увидеть самого себя, сидящего и смотрящего в окно, многие годы тому назад. Но я опять никого не увидев, продолжаю идти вверх по улице.

Еще одно достойное внимания здание – корпус “Г”. Один из первых институтских корпусов знаменательный своим фасадом. Огромные серые колонны поддерживают высокий свод перед входом в корпус. Я вспоминаю, как я когда-то стоял на этом самом месте много лет назад, еще когда посту-

пал сюда, и смотрел на этот фасад. Тогда меня пронизывала особое чувство некоего благоговения перед этим “храмом науки”. В те времена здесь был очень сильный преподавательский состав, большой конкурс среди студентов из самых разных мест. Мне тогда очень хотелось учиться, быть не хуже других. Теперь я вижу просто серое здание с огромными колоннами и ничего не чувствую.

Повернув в переулок, я иду вверх, чтобы замкнуть это малое кольцо времени. Впереди виднеется трамвайная остановка. На пути к ней я бегло бросаю взгляд на низкие домики справа, стараясь увидеть небольшой канцелярский магазинчик, который был весьма популярен у студентов в мое время. Там был ближайший ксерокс и место, где можно было что-то распечатать. Но теперь магазин куда-то исчез, вместе с нашим поколением студентов.

Я сажусь в пустой трамвай и начинаю вновь смотреть в окно. Весьма краткая прогулка, то небольшое послабление, которое мне изредка дает суета повседневной жизни.

Трамвай везет меня домой, но теперь я проезжаю остановку, на которой раньше выходил. Дверь закрылась, я остался в трамвае и не вышел. Вот и всё, я снова в настоящем.

Метель

Телефон, лежащий у меня под подушкой, завибрировал и я открыл глаза. Кругом было темно и холодно, рядом, укрывшись одеялом, сопела моя жена. Я встал с дивана и подошел к окну. Подняв лежащую на подоконнике штору, я увидел, что на стекле с внутренней стороны окна был лед. На улице бушевала метель, термометр застыл на отметке -22.

Я разбудил супругу, но она долго не хотела вылезать из-под теплого одеяла. В нашей единственной маленькой комнатухе было ощутимо холодно, так что казалось, что вот-вот пойдет пар изо рта. Я пошел на маленькую кухоньку и, включив духовку на всю мощность, открыл дверцу. Это был самый эффективный и дешевый способ натопить хотя бы кухню. Я подержал замерзшие руки возле открытой дверцы духовки, ощущая приятное исходящее от нее тепло.

Я уже был одет, так как в одежде и спал. На мне были шерстяные носки, трико и теплый свитер с воротом, который был застегнут. Я и моя супруга – обычная молодая семья, живем мы в небольшой квартирке в очень старом доме. Даже в такую ненастную погоду, маленькая, еще оставшаяся с советских времен батарея, была едва теплая. Но не все было так уж и плохо, так как за то недолгое время, что мы тут живем, нам уже удалось накопить немного денег и заменить старые деревянные окна на новые, пластиковые. В первую

очередь заменили их, так как они были с невероятно большими щелями, в которые я спокойно мог просунуть палец, а форточка на кухне просто вставлялась в то место, где она должна быть.

Мы позавтракали и принялись собираться на работу. Я надел на себя несколько футболок и свой особый свитер, который предназначался специально для сильных морозов. У него был очень высокий ворот, в который я мог закутаться по самый нос, сам он был очень тяжелый и теплый. Он был на меня несколько великоват, в нем я походил на средневекового воина в кольчуге, и я иронично называл его “бронесвитер”. Теплая меховая шапка, которая хорошо закрывала уши, и дубленка, на которой я сразу же поднял воротник.

Мы вышли из подъезда и пошли на остановку, с которой обычно уезжали на работу. Кругом нас бушевала стихия, был настоящий снежный буран. Мы подошли к остановке, на которой стояли уже не менее тридцати человек. Остановкой это место называлось весьма условно. Это было просто место, куда приходили люди, чтобы удобно сесть на нужный им транспорт. К слову, в нашем городе любой общественный транспорт останавливается практически где угодно, так что горожане, привыкшие к этому, весьма часто выходили к проезжей части и, делая водителю знак рукой, останавливали нужный им транспорт.

Но теперь вся дорога была полностью заметена снегом и необычно пустынна. Было видно, что ее никто даже не

пытался чистить. В многоэтажных домах соседнего района “Простоквашино” зловеще завывал ветер. Я понял, что автобуса сегодня не будет, велел жене идти домой и ложиться спать. Потеря целого рабочего дня была серьезным ударом по нашему семейному бюджету, но на это пришлось отчасти пойти. Она настойчиво звала меня с собой, но я наотрез отказался, дыра в бюджете была бы слишком большой.

Я убедился, что она благополучно зашла в подъезд, который был виден, если немного отойти от остановки. После, я вернулся обратно, думая, о том, что делать дальше. Постояв еще немного на остановке, я понял, что ничего другого, как пойти на работу пешком, сделать нельзя. В хорошую погоду, если поторопиться, я доходил до работы примерно за пол часа.

Стоило мне совсем недалеко отойти от остановки, как я уже был подвергнут серьезному испытанию. Улица Чехова в этом месте очень сильно продувалась. Несмотря на то, что я одел под зимние штаны еще пару трико, но из-за ледяного ветра, который едва не сдувал меня с дороги, мои ноги ощущали замерзли. Кроме того, мне приходилось протаптывать сугробы чуть ли не полуметровой глубины.

Это была самая трудная часть пути, и я чуть было не сдался. Но все же я прошел по дорожке вдоль рынка, которую местами пытались чистить торговцы, не желавшие верить в то, что стихия способна оставить их сегодня без заработка.

Свернув вбок, я, как можно быстрее, направился к мно-

гоэтажным домам, надеясь на то, что ветер там будет не такой сильный как на открытом месте. И действительно, тут было получше, я даже смог найти протоптанную в сугробе тропинку, по которой ходили закутанные в теплую одежду люди. Тропинка скоро закончилась, и я вышел прямо на проезжую часть. Она была заметена снегом и никем не чищена, благо, что находились люди, которые пытались куда-то ехать на своих автомобилях. Они смогли прокатать в глубоком снегу две колеи, по которым теперь и шли пешеходы.

Я вышел на улицу Сергея Шило. Это была часть улицы Кузнечной, которую переименовали в память об одном из бывших мэров города, убитого в беспокойные времена. Улица была почти не освещена, и здесь было довольно много народа. Люди шли в разные стороны по двум оставленным на дороге колеям, иногда отходя в сторону, в сугроб, чтобы пропустить медленно едущий по дороге автомобиль.

Людам, которые шли навстречу, везло больше, так как ветер все время дул мне в лицо. Я закутался в воротник свитера и, надвинув шапку так низко, как только смог, смотрел вниз. Мое лицо заметал снег, который уже даже не сразу таял на моих щеках. Когда его становилось слишком много, я смахивал его рукой. Трудно сказать, сколько занял этот нелегкий путь. Было тяжело, и я не думал ни о чем, а просто повторял слова одной известной песни, которая вдруг начала крутиться у меня в голове. “Отставить разговоры вперед и вверх, а там... ведь это наши горы они помогут нам”. Опять

усилился ветер, так что я едва мог идти вперед. Я вновь повторял “Отставить разговоры” и, делая усилие, преодолевал порыв ветра.

Мне уже начало казаться, что этот путь никогда не закончится. Но вот я дошел до пересечения с улицей Транспортной и повернул на нее. Здесь, по части улицы, уже прошла снегоуборочная машина, и не было таких глубоких сугробов. Ветер теперь дул мне в бок, и идти было заметно легче. По улице колонной шло очень много людей, и практически не было автомобилей. Все это шествие было похоже на демонстрацию по поводу какого-то праздника. Сотни людей, мужчины и женщины самого разного возраста и достатка шли на свои рабочие места пешком, несмотря на полный коллапс всех видов транспорта и разбушевавшуюся стихию. Видимо, в том или ином смысле им всем тоже ощутимо было потерять один рабочий день.

Я довольно быстро прошел по расчищенной улице и подошел к проходной. Зайдя в вестибюль, я струсил со своей одежды и обуви обильно налипший на них снег и подошел к турникету. Охранник удивленно посмотрел на меня, но ничего мне не сказал. Я был рад, что на работу пускают несмотря на стихийное бедствие, мне было даже страшно подумать, о том чтобы еще раз миновать этот маршрут прямо сейчас.

Вскоре, я был на своем рабочем месте. Отопление не справлялось, и в здание было холодно. На работу пришли еще несколько человек, некоторые из них шли еще из более

далеких мест, чем я. Тут же были молодые ребята, мои ровесники. Потерять оплату за целый день для них тоже было ошутимо, и поэтому они были здесь.

Мы все вместе уселись возле поставленных рядом тепловых пушек, оставаясь в верхней одежде. Вскоре, нам сообщили, что мы можем идти домой, и нам будет оплачен весь день, как впрочем и тем работникам, которые на работу не пришли.

Мы просидели до полудня, когда ненастье немного стихло, и разошлись по домам. Я миновал этот маршрут еще раз. Дорогу за это время так никто и не расчистил, никакой общественный транспорт не ходил, и я вновь пошел пешком по оставленным на дороге автомобилями колеям. Ветер и снег сопровождали меня до самого конца пути.

Я вновь миновал свой непростой маршрут и вернулся домой. Жена натопила квартиру духовкой, приготовила горячий обед. Она положила мне поесть и сказала о том, что я дурак и зря ее не послушал, так как и ей тоже оплатят полный рабочий день, при том, что она никуда не ходила.

Ветер

Осенним утром один бедный человек шел по своим обычным делам. Было холодно и сыро, дул сильный ветер. На улице, в столь ранний час, было совсем немного людей, ведь сегодня выходной день, да и погода не располагала к прогулкам. Он был погружен в мысли о своей непростой жизни, о своих насущных проблемах, которые, словно передавая друг другу эстафетную палочку, шли непрерывной чередой одна за другой. Это действительно было ужасно, но люди привыкают ко всему, так что все эти жизненные неурядицы были теперь вполне терпимы и посильны, хоть и крайне неприятны, как и сегодняшняя погода.

И вновь мощный порыв ветра сильно раскачал большие деревья, росшие возле пешеходной дорожки, зашумев листвою их могучих крон. Человек невольно отвлекся от своих дум, и тут его взгляд упал на росший поблизости куст. Он замедлил ход и, подойдя к кусту, взял зацепившуюся за его ветку сторублевую купюру. Человек оглянулся по сторонам и увидел, что кругом совершенно никого нет, никто не искал свою пропажу. Тогда он, не задумываясь, сунул купюру себе в карман и пошел дальше.

Конечно, это была весьма ничтожная сума, которая никак не могла помочь ему решить, хоть малую часть его насущных проблем. Но она досталась ему внезапно и без каких бы то ни

было усилий с его стороны, и это было приятно. Настроение у человека улучшилось, так что он даже ненадолго отвлекся от гнетущих его дум.

Но вот, спустя какое-то время, ему пришла в голову мысль о том, что найти сто рублей конечно же хорошо, но вот если это были хотя бы пятьсот рублей. Конечно, это было бы определенно лучше. Или нет, лучше найти хотя бы тысячу. Да, с тысячей он мог бы сходить в магазин и купить себе неплохой еды на какое-то время. Эх нет, вот если это были бы пять тысяч, тогда да, вот действительно была бы настоящая удача. Да и ему ведь в жизни никогда не случалось находить пятитысячную купюру, почему бы этому не случиться сейчас, когда особо непростые времена? Определенно, это помогло бы решить хоть что-то из мелких проблем.

И человеку стало грустно, настроение его опять испортилось, да испортилось так, что стало ещё хуже, чем было до того, как он нашел злосчастную купюру. Насущные проблемы всё больше и больше наседали на него, а ветер кругом продолжал яростными порывами раскачивать кроны деревьев, так что шум листвы заглушал его собственные мысли. Человек стал внимательно смотреть на дорогу, траву и кустарник в надежде найти ещё какие-нибудь деньги, но он так ничего и не нашел. Вскоре, он пришел в место, в которое направлялся, и его вновь затянул круговорот повседневной суеты, так что он вскоре и вовсе забыл о своей счастливой находке. Но счастливой ли?

Неправильный человек

Многих людей повидал старый город. Из года в год, из десятилетия в десятилетие он смотрел на своих жителей и гостей. Наблюдал, как они ходят по его улицам, живут, радуются и страдают.

И вот он обратил внимание на меня, заметил, что я, проносясь в потоке повседневной суеты, поднял голову и осмотрелся кругом. Тогда старый город сказал: "Составь мне компанию в моих наблюдениях, поделись со мной тем, что заметишь, а я поделюсь с тобой своими впечатлениями".

Я согласился на это, попробовал и мне понравилось. Тогда я решил для себя, что теперь мое жизненное призвание – быть наблюдателем. Я распробовал это весьма интересное занятие, смотреть вокруг себя и видеть.

Как-то смотря вокруг себя, я заметил неправильного человека. Этот человек все делал не так. Хотел добиться уважения, но его презирали. Хотел казаться остроумным, но его считали шутом. Хотел опрятно выглядеть, но его считали неряхой и человеком неприглядным. Хотел добиться взаимности от противоположного пола, но чем больше он старался, тем больше отталкивал от себя.

Я наблюдал за ним изо дня в день, пытаюсь понять причину. Я увидел, что в целом он был неплохой человек, не без недостатков, как и любой из живущих в старом городе. Он

умел дружить, точнее с доверием относиться к тем, кто был к нему расположен. Я вглядывался в него, пытаясь увидеть, знал ли он что такое влюбленность, испытывал ли он хоть раз в своей жизни искренний порыв чувств? Но я не заметил этого.

Таким он предстал моему взору – неправильный человек. Кто-то издевался над ним, кто-то жалел его, кто-то проявлял великодушие.

Тогда я сказал старому городу: "Вот, я заметил на твоих улицах неправильного человека и рассмотрел его жизнь".

– Гляди в другую сторону, что тебе до него, – ответил он равнодушно.

Но мне было интересно попробовать помочь неправильному человеку. Посмотреть, а можно ли как-то вытащить его из той ямы трудностей, в которую он сам себя загнал. Я терпеливо разговаривал с ним, побуждал его к совершению действий, которые принесли бы ему пользу.

Но все мои усилия пропали зря. Мои побуждения к действию, полезному для него, он саботировал. Когда я говорил разумные вещи, он насмехался надо мной, как над глупцом. Все разговоры, из которых он мог почерпнуть полезное для себя, сводились им к пустой демагогии. Впрочем, он считал меня своим другом, точнее относился с доверием.

Наконец, спустя месяцы бесплодных усилий, я устал и прекратил советовать, вести с ним разговоры, побуждать к нужным действиям. Я стал стыдить его, ярко показывая ему,

к чему он сам себя привел своим упрямством, но и это не принесло пользы.

Тогда старый город, наблюдавший за этим со стороны, сказал мне: "Не говорил ли я тебе, гляди в другую сторону?" Я давно наблюдал за тобой, когда ты ходил по моим улицам и видел, что ты упрям, также как и неправильный человек. Но ты, в отличие от него можешь послушаться хорошего совета, хоть и не сразу. И из этого происходит вся разница между вами. Вот тебе мои впечатления от увиденного, которыми я обещал поделиться с тобой.

Мечтатель

В мои школьные дни, точнее уже в старших классах, существовал определенный небольшой круг людей, среди которых я был весьма популярен. Я тогда был мечтатель и красноречив. Уже и не вспомню, каким образом я дошел до этого, возможно, смотря телевизор или поддавшись веянию популярной музыки. И тогда я начал грезить мечтами об успешности, богатстве и головокружительной карьере. Тогда я еще по-детски, был уверен, что все это обязательно сбудится. Ну а что до людей, которым я был интересен, тогда я был честен с ними, и они видели это. Кроме того, я умел красиво и убедительно говорить, и им нравилось слушать истории о том, как мы скоро хорошо заживем. Они все были дети простых родителей. Кто-то из них жил в общежитии, кто-то пахал вместе с родителями в деревне, возясь в теплицах, чтобы заработать себе не только на хлеб, но и на масло. Но они все хотели слышать о скором светлом будущем и верить в это.

С тех пор прошло уже много времени. Надо сказать, что я был мечтателем не совсем правильным. Я не просто лежал на диване и проедавая родительский хлеб у телевизора, обустроив очередной купленный мной в Тихом океане остров. Я еще пытался для этого что-то делать, как-то крутиться, к чему-то стремиться. Мои родители дали мне в жизни очень многое, в том числе и понимание того, что добиться чего-то

можно только путем упорного труда, и труд этот должен быть добросовестным. Я никогда не слышал от них ни одной нотаций об этом, они никогда не произносили этой фразы в беседе со мной, а просто были для меня живым и молчаливым примером. Как все это шло в разрез и контрастировало с моей пустой мечтательностью. Но в итоге мне это очень и очень помогло.

Очередной дождливый весенний день. Утром холодно, пришлось опять одеть куртку. Водитель автобуса, в который я сел самым первым, ворчит на плохую погоду. Ему тоже как и всем хочется наступления лета, чтобы было тепло и солнечно. Я уселся на свое любимое место у окна и смотрел на устало встречавший очередной будний день вокзал. Начали срываться крупные капли дождя, отпечатавшиеся черными точками на уже было подсохшем асфальте тротуара. И тут я заметил, что асфальт весь в трещинах и ямах, хотя по нему никто не ездит. Просто его так давно никто не ремонтировал. Непогода и ноги многочисленных пешеходов сделали свое. Дождь помог увидеть мне это плачевное состояние тротуара, а пасмурная погода прочувствовать эту ветхость.

Я продолжал смотреть в окно. Теперь поддавшись прочувствованному мной настроению, я видел за окном только проплывающие мимо меня разбитые тротуары, грязные серые здания с потрескавшейся на фасадах штукатуркой. Даже рекламные плакаты и те грязные и частично вырвались из своих креплений. Распустилось множество тюльпанов и

нарциссов, но и те растут среди поднявшейся вместе с ними сорной травы, которую никто не пытается прорывать. То и дело попадаются старые засохшие деревья, которые так никто и не спиливает, а возле них в обилие валяются мелкие сухие веточки. И среди всего этого ходят люди в серой, соответствующей погоде одежде. Лица их спокойны задумчивы. Они привыкли ко всему этому окружающему их беспорядку и не обращают на него никакого внимания. Все они думают о своих проблемах, надеждах, перспективах. Ну а этот мир нуждается в нас. Он нуждается в нашем каждодневном труде, чтобы преобразиться и расцвести, чтобы радовать собою наш взор и наполнять вдохновением мысли.

И теперь, увидев все это, я вспомнил о тех далеких годах, когда был мечтателем и краснобаем. Я вдруг понял, что не могу теперь припомнить, а были ли эти самые улицы в таком же состоянии или более лучшем чем теперь. Я тогда просто не видел этого, не обращал на это внимание. Тогда мне было не до того, просто я был занят обустройством очередного острова, купленного мною в Тихом океане.

Память

Начало мая. Время, когда весна окончательно набирает свою силу и уже готовится передать власть беспощадному летнему зною. Время поездок на природу, время шашлыков, время веселья, время официальных праздничных мероприятий, время поздравлений тех, кто ещё остался с нами, время памяти тем, кто ушел.

День Великой Победы нашего народа, память подвига наших предков, кто не скажет хорошего о тебе? Можно ли увидеть в какой-нибудь другой праздник столь явное проявление сопричастности этому событию со стороны горожан. Множество машин, из которых развиваются флаги России, флаги Победы, наполняют собой город. Они едут по своим делам, не желая при этом оставлять свою радость вещью интимной, но делятся ней с окружающими, сигнала стоящим на тротуаре людям. Те же, в свою очередь, улыбаются им в ответ. А ещё эти картонные танки, разъезжающие по улицам и разносящие песни военных лет, громко напоминающие о тех днях, настолько сильно, насколько это способны сделать мощные аудиосистемы.

Но вот, в одну из дат Великой Победы, у меня, по случаю праздника, состоялся неожиданный разговор с неким знакомым мне человеком.

Тогда в городе происходило вышеописанное мной, и он,

комментируя всё это, начал говорить о том, что праздник с каждым годом становится всё более искусственным, мол, многие это понимают. В его глазах День Победы стал неким ритуальным действием, некой традицией, которая с годами и десятилетиями всё больше и больше будет сходиться на нет, пока ее не забудут вовсе.

Это был молодой человек одного со мной поколения, вполне себе образованный и весьма неглупый. Чтобы не остаться голословным, он привел мне пример войны 1812 года. Он поинтересовался у меня, а помню ли я, в какой день праздновался тот “День Победы” когда живая память о нём, ещё охватывала собой наш народ? Я не смог назвать ему дату.

А смогут ли назвать сегодняшнюю дату наши внуки? – спросил он у меня.

Тогда я спросил его о том, как он сам относится к этому празднику. Я видел, что у него не было никакого негатива в отношении к этому дню, но никаких особых чувств по этому поводу он тоже не испытывал. Для него это был просто обычный выходной день, весной, когда можно поехать отдохнуть на природу, о чём он мне честно и сказал. Он добавил, что я, конечно, могу его упрекать за такое отношение, но он ведь не участвовал в той войне, его предки, имевшие отношение к этому, давным-давно умерли, и он уже едва помнит, как их звали, тем более не помнит, какими они были людьми. Он не чувствовал свою связь с этим днём. Да, наши предки

победили, они свершили подвиг и достойны уважения. Да, вероятно, благодаря этому он и смог появиться на свет, но это не его, а их победа.

И я понял корень этой беды. Для этого человека трагедия одной личности переросла в пустую статистику множества сломанных судеб, от чего у него и родилось такое отношение. Я же просто вспомню судьбу моих предков в те непростые дни тяжелейшего испытания.

Вот один из моих прадедов ушел добровольцем на фронт через месяц после начала войны, а ведь ему было тогда всего тридцать три. И что получил мой прадед за свой благородный порыв? Погиб неизвестно когда, неизвестно где, и даже могилы у него нет. И как мне относиться к этому, даже если предположить, что речь шла бы не о моём предке, а о просто постороннем человеке? Неужели я должен воспринимать это с равнодушием?

Вот сестра бабушки моей жены, которая погибла в Полесье, провоевав несколько месяцев. Она попала в окружение с небольшой группой солдат и была зверски убита. Это мне тоже надо забыть?

Другой мой прадед ушел на фронт в сорок третьем и, пройдя за два года пол Европы, будучи награжден, благополучно вернулся на родину, где до конца своей жизни пользовался почётом и уважением. Разве не заслужил он этого, пройдя через ад? Не заслужил ли и он и моего уважения, хотя я его ни разу и не видел?

И подобных историй миллионы.

Не будем же сводить к пустой статистике множество непростых судеб простых людей. Будем напоминать окружающим нас о том, что эта память, память о конкретных людях, которых огромное множество. И всё это множество, не сливаясь в серую массу, вместе составляет собой единую живую память, плодом которой будет искренняя радость, наполняющая нас в этот замечательный весенний день, несмотря на любую погоду.

Два деда

Это было начало чудесного летнего дня. Время когда вся природа просыпалась от ночного сна и радовалась возвращению солнца, путешествовавшего по далеким странам, еще мягкому, не палящему зноем. Было по-утреннему прохладно, приятно прохладно, так что находиться на свежем воздухе было теперь одно удовольствие.

Но лишь немногие погрузились в этот мир просыпающихся трав и птиц ранним утром выходного дня. Был среди этих немногих и старый деревенский рыбак, улучивший благоприятное время выбраться на велосипеде к небольшой безымянной речке. Теперь же он возвращался домой, пробираясь сквозь высокую траву через поле к трассе, которая в этом месте находилась в ложбине между двух холмов. Она была совершенно пустынна и лишь только одинокая машина показалась слева где-то еще очень далеко.

В этой машине находились двое, дед и его уже взрослый внук. Они ездили на малую родину старика, повидать близкую по сердцу, но столь далекую расстоянием родню. Обстоятельства определили им разное место для жизни уже очень давно, но ни километры, ни годы не могли истребить теплых родственных чувств. Дед сидел на переднем сиденье и думал о чём-то своём, его внук вёл по утренней трассе машину. И вот трасса начала уходить в ложбину между двух по-

логических холмов. Она была совершенна пустынна, лишь только одинокий велосипедист подошел к краю дороги, где-то там еще далеко внизу. Но и он теперь никуда не торопился, и решив пропустить вперед одну единственную машину, замер на краю обочины.

Время шло, иногда ход его течения становится медленным, слишком медленным для нас, так что порой просто не хватает терпения вынести его, эти бесконечные несколько минут или даже секунд. И вот время навалилось всей своей массой на старого рыбака, бросившего ему дерзкий вызов, решившему испытать свое терпение и пропустить один единственный автомобиль на пустынной трассе, но... Он не смог, не справился, дал слабину. И теперь, когда несущийся на огромной скорости автомобиль был уже совсем рядом, он решил все же перейти дорогу.

И вот стоящий спокойно на обочине пешеход в самый последний момент вдруг решил перейти её. И вот время, его слишком мало, нет мысль воплощенная в слово не успеет пронестись в голове, только лишь оттенки чувств, да и те едва успеют, остается только воля, она успевает всегда, ведь её направление выбрано уже очень давно. Оно уже есть, уже готово. Ведь рядом сидит близкий человек и теперь в опасности и его жизнь, ведь можно ударить в пол по тормозам, но как поведет себя машина? Не вылетят ли они куда-нибудь на обочину, где вполне может и перевернуться, а из-за чего? Из-за того, что кто-то другой, посторонний человек, не име-

ющий никакого отношения к ним дал слабину.

Теперь воля не колебалась и не сомневалась, она ударила ногой в педаль газа и сделала движение рулем влево. Машина на огромной скорости пронеслась буквально в сантиметре от старого рыбака и, вернувшись на свою полосу, не сбавляя хода, продолжила свой путь.

Водитель сидел с каменным лицом, он даже не выругался как обычно это случалось с ним от внезапной перемены обстоятельств. Он только бросил взгляд на зеркало заднего вида, чтобы увидеть старого рыбака, который все также стоял, на том же самом месте, ведь теперь он просто не мог идти, его ноги тряслись от страха. Прошло время, и машина поднялась уже на самую вершину холма. Водитель вновь посмотрел назад, и фигурка рыбака оставалась все там же.

Но в этот момент молодой внук не переживал за его судьбу, он был просто очень сердит на незадачливого старика, в отличие от его деда, сидевшего рядом.

– Почему, же ты не затормозил!? Ты понимаешь, что ты чуть не убил человека ?! – кричал на него дед.

– И поделом ему, сам виноват, – лишь процедил в ответ водитель.

Он не сказал больше ничего, совершенно ничего. Он очень любил своего деда, но никогда не говорил ему об этом прямо, не выражал явно своих чувств, хоть это, вероятно, было и не правильно, и теперь он просто не хотел подвергать опасности его жизнь. И теперь он не сказал этого.

Прошло совсем немного времени, эта история забылась и жизнь потекла своим привычным чередом, наступил полу-денный зной.